

З. В. УДАЛЬЦОВА

МИРОВОЗЗРЕНИЕ ПРОКОПИЯ КЕСАРИЙСКОГО

Наиболее выдающимся византийским историком VI в., бесспорно, является Прокопий Кесарийский. В научной литературе Прокопию повезло: без преувеличения можно сказать, что ни об одном из византийских авторов раннего периода не было столько написано, как о Прокопии¹. Был проведен детальный текстологический анализ всех произведений Прокопия, и недавно увидело свет новое критическое издание его трудов². Много раз подвергалась проверке достоверность исторических сообщений Прокопия, особенно его отдельных экскурсов, посвященных различным народам и странам³.

Поистине неисчерпаема научная литература, касающаяся анализа топонимических, географических, демографических и просопографических данных Прокопия. Да это и не удивительно, ибо сочинения Прокопия, особенно его «Трактат о постройках» и «История войн Юстиниана с персами, вандалами и готами», действительно являются своего рода этно-географической энциклопедией VI века⁴. Многообразные сведения Прокопия о природе и населении, городах и торговых путях, гражданских и оборонительных сооружениях, языке, нравах и обычаях жителей как самой Византии, так и соседних с ней стран в равной мере интересовали историков и археологов, этнографов и лингвистов. При этом многие сообщения Прокопия выдержали самую строгую проверку на точность⁵.

¹ G. Moravcsik. Byzantinoturcica, I. Berlin, 1958, S. 496—500.

² Procopii Caesariensis Opera omnia, recognovit J. Haury, editio stereotypa correctior, addenda et corrigenda adjecit Gerhard Wirth, vol. I—IV. Lipsiae, 1963—1964; G. Wirth. Mutmassungen zum Text von Procop's Goteakrieg. — «Helikon», IV, № 1—4, 1964; V, № 2—4, 1965.

³ Из новейших работ следует указать: R. Benedicty. Procopios' Berichte über die Slavische Vorzeit. Beiträge zur historiographischen Methode des Prokopios von Kaisareia. — «Jahrbuch der Österreichischen Byzantinischen Gesellschaft», XIV, 1965, S. 51—78; idem. Die auf die Frühslavische Gesellschaft bezügliche Byzantinische Terminologie. — «Actes du XII Congrès International d'Études Byzantines», II. Beograd, 1964, S. 45—55; P. Бенедикти. Экскурс о Фуле у Прокопия Кесарийского (К вопросу об архаизации при этнографических описаниях в византийской литературе.) — ВВ, XXIV, 1964, стр. 49—57.

⁴ J. Haury. Zur Beurteilung des Geschichtsschreibers Prokopios von Caesarea. München, 1896; G. Solyer. Procopius von Caesarea. — BZ, 44, 1951; B. Rubin. Procopios von Kaisareia, eine Zentralgestalt der östromischen Geschichtsschreibung. — «Forschungen und Fortschritte», 29, 1955; idem. Procopios von Kaisareia. Stuttgart, 1954.

⁵ В последние годы дебатруется вопрос об историографическом методе Прокопия и способе использования им античных авторов: P. Бенедикти. Взятие Рима Аларихом (К вопросу об историографическом методе Прокопия Кесарийского). — ВВ, XX, 1961, стр. 23—31; R. Benedicti. Die Milieu-Theorie bei Procop von Kaisareia. — BZ, 55, 1962, S. 1—10.

Длительное время со страниц византиноведческой литературы не сходили споры о «Тайной истории» Прокопия. И хотя ныне подлинность этого сочинения и принадлежность его Прокопию не вызывают сомнений, однако дискуссии об общей оценке этого труда не затихают по сей день.

Не меньший интерес продолжает вызывать и мировоззрение ⁶ Прокопия. Немало было сделано попыток объяснить противоречивость политической позиции автора в его официальных трудах и в «Тайной истории». Особо рассматривался вопрос о философских и религиозных взглядах Прокопия ⁷. В новейшей литературе некоторые ученые отходят от общепринятой ранее точки зрения, согласно которой Прокопий был далек от христианской религии, являясь чуть ли не тайным приверженцем язычества; теперь Прокопий все более и более «христианизируется», доказывается его полная лояльность в отношении официального вероучения ⁸.

К сожалению, до сих пор недостаточно освещен вопрос о социальных корнях и политической направленности мировоззрения Прокопия ⁹. Спорность и противоречивость оценки его мировоззрения в науке дают право вновь вернуться к этому вопросу.

Незаурядный политический деятель и искусный дипломат, занимавший высокие посты в византийской администрации, Прокопий был человеком, обладавшим недюжинным литературным талантом, широким для своего времени научным кругозором и большой любознательностью. Куда бы ни забрасывала его судьба, какие бы отдаленные страны он ни посещал, всюду он жадно смотрел на окружающее, а главное — понимал, беседовал с очевидцами, старался все запомнить и узнать. Пытливый ум и зоркая наблюдательность помогли Прокопию собрать ценнейший исторический материал о своей эпохе, описать многие важнейшие события, свидетелем, а зачастую и участником которых он был. Его полная тревог и дальних походов жизнь сама давала обильную пищу для исторических наблюдений и сопоставлений.

Сведения о жизни Прокопия мы черпаем как из его собственных трудов, так и из произведений других современных ему и более поздних писателей. Прокопий родился в Кесарии Палестинской в конце V или в самом начале VI в. (вероятнее всего, между 490 и 507 гг.) ¹⁰. Он происходил из знатной, достаточно состоятельной семьи и получил превосходное образование. Позднейшие писатели называют его ритором (ῥήτορ) и софистом (σοφιστής), подчеркивая тем самым, что он обладал основательными знаниями по риторике и философии. Много занимался Прокопий и юриспруденцией, высоко ценившейся в его время. Познавания в юриспруденции открыли ему дорогу к придворной и дипломатической карьере. Прокопий сам рассказывает о том, как он поднимался по служебной лестнице. Еще молодым человеком в 527 г. он стал секретарем (σύμβουλος) известного полководца Велисария, а во время африканского похода получил уже звание советника по юридическим делам (πάρεδρος) своего прославленного патрона. Поток жизни захватывает и уносит Прокопия в самую гущу политической борьбы его времени: походы против персов, экспе-

⁶ O. Veh. Zur Geschichtsschreibung und Weltauffassung des Procop von Caesarea, I—III (Bayreuth, Gymn. Progr., 1950/51; 1951/52; 1952/53). Bayreuth, 1951—1953.

⁷ G. Downey. Paganism and Christianity in Procopius. — «Church History», 18, 1949, p. 89—102.

⁸ Averil M. Cameron. The «Scepticism» of Procopius. — «Historia», 15, 1966, p. 466—482.

⁹ См. Б. Панченко. О «Тайной истории» Прокопия. — ВВ, 2, 1895, стр. 24—57; 340—371; 3, 1896, стр. 96—117; 300—316; 460—527; 4, 1897, 402—451; З. В. Удалцова. Вступит. статья к кн.: Прокопий из Кесарии. Война с готами. М., 1950, стр. 3—60.

¹⁰ G. Moravcsik. Byzantinoturcica, I, S. 489. Там же (S. 496—500) см. обширную литературу о Прокопии.

диции в Северную Африку и Италию — калейдоскоп лиц, событий, стран и народов проходит перед взорами будущего историка.

Трудно сказать, когда именно в тревогах военной и суеде придворной жизни, среди политических интриг и борьбы за карьеру, в душе советника Велисария окрепло желание описать виденное, сохранить пережитое в памяти потомков. Скорее всего, уже в эти годы, в перерывах между сражениями и дипломатическими переговорами, в походных палатках и на бивуаках далеких стран, Прокопий вел дневник, куда записывал свои впечатления, беседы с очевидцами, характеристики выдающихся деятелей и полководцев, с которыми встречался.

Он интересовался всем: природой и диковинными животными стран, куда забрасывала его судьба, бытом и культурой народов, встречавшихся на его пути, преданиями и легендами, рассказываемыми при свете походных костров. Но особенно интересовали его тайные пружины политических драм, разыгрывавшихся в различных областях империи, секреты дипломатических переговоров, заговоры, которые плелись при дворах варварских правителей и в константинопольском дворце. Доверие и высокое покровительство Велисария открывали ему доступ ко многим скрытым от посторонних глаз документам. Не менее сведущ он был и в военных делах, хотя сам, видимо, не имел вкуса к военным подвигам. Отдавая дань уважения древности, Прокопий всем своим существом тяготел к современности и хотел именно современные события донести во всей полноте до будущих поколений.

К осуществлению своего замысла Прокопий приступил между 543 и 545 гг., когда начал писать «Историю войн Юстиниана». В 550 г. историческое сочинение Прокопия в его первой редакции уже увидело свет ¹¹.

Оно принесло Прокопию признание читателей и одобрение двора. Однако слава не могла заглушить в душе Прокопия глубокой неудовлетворенности. Он остро ощущал лживость официальной концепции, проводимой в этом труде. Он знал, сколько раз приходилось ему кривить душой, скрывая или искажая истинные причины событий, приукрашивая деятельность сильных мира сего, и в первую очередь самого Юстиниана и его полководца Велисария. Все сильнее зрело решение написать такое сочинение, где бы можно было все тайное сделать явным. Плодом этих глубоких раздумий, борения острых политических и личных страстей, партийных симпатий и антипатий явилась «Тайная история» Прокопия, произведение поистине единственное в своем роде в византийской историографии ¹². Написанная в том же 550 г. «Тайная история» как бы собрала в единый, туго сплетенный клубок все тайные наблюдения автора, весь его трудный жизненный опыт, с предельной откровенностью обнажила его политические настроения, его жизненное кредо ¹³.

Но вскоре политик опять взял верх над писателем, и Прокопий через 16 лет после «Тайной истории» создал последний труд — «Трактат о постройках Юстиниана» ¹⁴, прославляющий в неумеренно хвалебных тонах строительную деятельность этого императора.

Своим панегириком Прокопий, видимо, настолько угодил деспотическому правителю, что, возможно, именно за этот трактат был назначен на высокий пост префекта города, получил титул *illustris*, и позднейшие писатели называют его патриkiem ¹⁵.

¹¹ *Procop. Caesariens.* Op. cit. (De bello Persico — далее: *Proc. B. P.*; De bello Vandalico — далее: *Proc. B. V.*; De bello Gothico — далее: *Proc. B. G.*).

¹² *Procop. Caesariens.* Op. cit., vol. III (Historia quae dicitur arcana — далее: *Proc. H. a.*).

¹³ J. A. Evans. The Dates of the Anecdota and the De Aedificiis of Procopius. — «Classical philology», 64, 1969.

¹⁴ *Procop. Caesariens.* Op. cit., vol. III, 2.

¹⁵ G. Moravcsik. Op. cit., I, S. 489; III. Диль. Юстиниан и византийская цивилизация VI в. СПб., 1908, стр. VII.

События последних лет жизни и дата смерти Прокопия до сих пор остаются неизвестными. Как в его жизни, так и в творчестве была глубоко трагическая и вместе с тем бросающая тень на его нравственный облик *двойственность*. В знаменитом историке уживались как бы *два человека*, находящиеся в постоянном противоречии друг с другом.

Один из них — несколько суховатый и холодный, замкнутый в себе *чиновник*, быстро продвигающийся по служебной лестнице. Это дипломат, обладающий трезвым умом, большой сдержанностью и скрытностью, душа которого закрыта наглухо для всего внешнего мира. Он бесспорно *карьерист*, который для достижения высоких постов готов использовать свой талант, зная, как мечтает Юстиниан о своем придворном историке, воспевающем его деяния. Карабкаясь к вершинам власти, Прокопий как опору использует свои официальные исторические труды. Всю эрудицию и жизненный опыт он отдает на службу императору, иногда даже пресмыкаясь перед ним и его любимцами. Он не боялся чрезмерностью похвал оттолкнуть упоенного властью императора, и его расчет оказался правильным, ибо, приписав в этом плоском панегирике всю строительную деятельность в империи исключительно Юстиниану, Прокопий добился его милостей.

В «Истории войн Юстиниана» Прокопий также всячески подчеркивает свою лояльность. Но внимательное изучение сочинения показывает, что здесь сквозь завесу официозного повествования уже начинает пробиваться пока еще робкая критика существующего строя. Подспудно, приглушенно начинает звучать голос второго человека, который живет в Прокопии. Прокопий позволяет себе, хотя и в завуалированной форме, отметить недостатки правления Юстиниана. Однако, чтобы обезопасить себя от доносов правительственных шпионов, он перемежает похвалу Юстиниану и его полководцу Велисарию с отдельными оппозиционными замечаниями, которые в целях маскировки вкладывает в уста явных внешних врагов императора ¹⁶.

Однако и в этом труде осторожный карьерист и политик еще берет верх над критически мыслящим ученым, который таится в Прокопии рядом с придворным льстецом. Прокопий — ученый, страстный обличитель юстиниановского режима, пылающий самой непримиримой ненавистью к императору Юстиниану и императрице Феодоре, а также к их клевретам, трепеща за свою жизнь, в обстановке кровавого террора и самого гнусного шпионажа, таясь даже от самых близких людей, пишет тайную хронику правления Юстиниана ¹⁷. В предисловии к этому необычному произведению Прокопий сам объясняет задачи труда и причины его создания. Цель историка — возвышенна: сохранить для будущих поколений истину и научить потомков делать добро и избегать зла. Написать обличительный труд историка подвигло желание, чтобы тираны будущих времен опасались отмщения за свои преступления, имея перед гла-

¹⁶ Примеров замаскированной критики в «Истории войн» довольно много. Наиболее яркий из них — жалобы армянских послов на Юстиниана в речи, обращенной к персидскому шаху Хосрову I (*Proc. B. P.*, II, 3; ср. I, 2; *B. G.*, IV, 15, 13—18). Прокопий осуждает Юстиниана за промахи в ведении войны в Италии, за увлечение бесплодными догматическими спорами, отвлекавшими его от государственных дел (*Proc. B. G.*, III, 32, 10). Порой Прокопий не скрывает сочувствия к врагам императора. Так, он всячески оправдывает Ипатия, одного из руководителей сенаторской оппозиции во время восстания Ника (*Proc. B. P.*, I, 24, 17—58); рассказывая о заговоре Артабана, Арсака и Германа, он проявляет симпатию к Герману и особенно к Марцеллу (*Proc. B. G.*, III, 31—32).

¹⁷ Прокопий говорит, что он не мог писать правдивую историю, пока были еще живы вершители всех этих дел. «Ведь сделать это незаметно при том множестве шпионов, какое тогда было, для меня не представлялось возможным, а уличенный, я неизбежно должен был погибнуть самою жалкою смертью: ведь в этом случае я не мог полагаться даже на самых близких своих родных» (*Proc. H. a.*, I, 2).

зами Юстиниана и Феодору, которые понесли возмездие за позорные поступки и образ жизни¹⁸. Для тех же, кто в будущем подвергнется насилиям тиранов, будет утешением сознание, что не они одни подвергались подобным бедствиям¹⁹.

Сколь ни возвышенна цель писателя, надо признать, однако, что средства ее достижения довольно сомнительны. Ведь Прокопий в своих официальных трудах восхваляет существующий режим, а в «Тайной истории» обрушивает на правителей ушаты грязи, вскрывая не только действительные преступления, но и приписывая им порою столь немыслимые пороки, которые могут быть лишь плодом неудержимой фантазии, питаемой глубокой ненавистью.

Справедливо отмечалось, что «Тайная история» — не историческое сочинение в собственном смысле, а скорее политический памфлет, написанный желчью, а не чернилами²⁰. В непримиримой злобе к Юстиниану Прокопий теряет рассудительность, забывает о необходимости для историка строгой проверки фактов. Он неразборчиво собирает все, что может скомпрометировать Юстиниана и Феодору. «Тайная история» полна самых нелепых, подчас несправедливых нападок на Юстиниана, который изображается неким демоном, явившимся на погибель жителям империи²¹. Чего стоит, например, рассказ Прокопия о том, что демон-Юстиниан бродит по ночам без головы по покоям императорского дворца, пугая ночную стражу²². В нападках на Юстиниана Прокопий теряет чувство меры. Его легковерию нет границ, если дело касается злобных рассказов о Юстиниане и Феодоре.

В «Тайной истории» Прокопий приписывает Юстиниану все пороки, терзавшие империю, все дурные деяния с такой же горячностью, с какой в «Трактате о постройках» провозглашает его источником всех полезных начинаний в государстве.

Он с радостью и злорадством смакует самые грязные сплетни, рассказываемые на улицах и базарах Константинополя о правящей чете²³ или о Велисарии и его жене Антонине²⁴.

Даже хорошие поступки Юстиниана в «Тайной истории» истолковываются в дурном свете. Рассказ Прокопия при этом эмоционален и гиперболичен, в то время как в «Истории войн Юстиниана» его повествование течет спокойно, внешне бесстрастно и холодно, порою даже сухо.

Но вместе с тем именно эта страстная партийность Прокопия помогла ему, хотя бы в своем тайном труде, разоблачить тиранию Юстиниана, деспотизм и жестокость его правления. «Тайная история» Прокопия обличает растленные нравы византийского двора VI в. с меньшей силой, чем «История 12 цезарей» Светония разоблачала разложение Римской империи.

Именно благодаря оппозиционным настроениям Прокопия, политической тенденциозности «Тайной истории» мы располагаем единственными в своем роде сведениями о тяжелом положении народных масс при Юстиниане. Историк с радостью обнажает язвы, разъедающие византийское общество, пороки администрации²⁵, безмерную тяжесть налогов²⁶ —

¹⁸ *Proc.* Н. а., I, 8.

¹⁹ *Ibid.*, I, 10.

²⁰ *Ш. Диль.* Указ. соч., стр. XI.

²¹ *Proc.* Н. а., XII, 14; XVIII, 1.

²² *Ibid.*, XII, 18—28.

²³ О Юстиниане (*Proc.* Н. а., VI, 19—27; VIII, 11—33; XIII, 1—33); о Феодоре (*Proc.* Н. а., X, 1—22; XV, 1—39; XVI, 1—28; LX, 1—54).

²⁴ *Proc.* Н. а., I, 11—42; II, 1—37; III, 1—31; IV, 13—45; V, 1—27.

²⁵ *Ibid.*, XX, 1—4, 7—14; XXI, 1—12; XXIV, 1—7; о продажности суда см. *Proc.* Н. а., VII, 31—32; XIII, 20; XIV, 6—22; XV, 21—22.

²⁶ Прокопий рассказывает о таких тяжких поборах, как принудительная скупка хлеба — сивона (*Proc.* Н. а., XXII, 14—22; XXIII, 11—14), диаграфа (*ibid.*, XXIII, 9);

словом, все, что скрывалось в его официальных трудах и в сочинениях его товарищей по перу.

В «Тайной истории» Прокопий показывает скрытые пружины многих злодеяний Юстиниана и Феодоры; не жалея черных красок, он рисует политическую атмосферу императорского двора, где борьба за власть, низкая клевета и интриги зачастую были двигателями важных политических событий²⁷. Картина разложения дополняется обрисовкой недовольства различных слоев общества, интересы которых ущемлялись правительством²⁸. Это в свою очередь проливает дополнительный свет на характер и причины многих сложных социальных и религиозных движений в империи²⁹.

В этом особая ценность «Тайной истории» как исторического источника, хотя нельзя забывать, что она крайне тенденциозна и требует строгой проверки.

Ученые давно спорят о том, в чем причина оппозиционных настроений Прокопия, породивших «Тайную историю». Уже опровергнуты чисто субъективистские оценки Прокопия, сводящие его оппозиционность к личным качествам писателя, хотя, конечно, совершенно игнорировать внутренние, психологические причины раздвоенности Прокопия также нельзя³⁰. Уже были намечены пути определения социально-политической направленности трудов Прокопия; отмечалось, что его враждебность к Юстиниану отражала настроения старой сенаторской аристократии, идеологом которой он являлся³¹.

Но, думается, следует сделать еще шаг в разрешении этой проблемы: надо рассмотреть мировоззрение Прокопия в целом, проследить его социально-политические, философские, этические, религиозные взгляды и представления.

Причиной оппозиционных настроений Прокопия, естественно, были не только личные, нравственные качества, не только личная ненависть к правительству, проистекающая, быть может, от каких-то обид, причиненных ему при дворе³². Эта оппозиционность имела более глубокие корни. Его раздвоенность была порождена самой жизнью, сложнейшей идейно-политической борьбой внутри господствующего класса империи VI в.

Для мировоззрения Прокопия характерно, что он нападает на правительство Юстиниана справа, с позиций консервативных кругов старой сенаторской аристократии. Оппозиционность Прокопия лишена черт демократизма, свободомыслия, стремления критиковать правительство с точки зрения интересов широких социальных слоев населения. Это была оппозиционность узкого круга недовольных аристократов и высших государственных чиновников, фрондирующих против неугодного им императора. Но фрондирующая группировка знати стремилась изобразить себя

аэрикон (ibid., XXI, 2—4); эпиболэ (ibid., XXIII, 9) и др. Система монополий (Proc. Н. а., XX, 5—6; XXV, 13; XXVI, 19); увеличение таможенных сборов (ibid., XXV, 5—7); порча монеты (ibid., XXV, 11—13); злоупотребления сборщиков податей (ibid., XXV, 20—21) вели к росту цен, особенно на хлеб (ibid., XXV, 10), и к обнищанию народных масс.

²⁷ Proc. Н. а., XV, 1—39; XVI, 1—28; XVII, 1—45.

²⁸ О притеснении торгово-ремесленных кругов (Proc. Н. а., XXV, 1—26); о несправедливостях Юстиниана в отношении воинов (ibid., XXIV, 1—31); о преследовании интеллигенции (ibid., XXVI, 1—7).

²⁹ О движениях римов см. Proc. Н. а., VII, 1—41; XVIII, 32—35; XXIX, 27—38. О гонениях против еретиков и народных восстаниях на этой почве см. ibid., XI, 13—32.

³⁰ F. Dahn. Procopius von Cäsarea. Berlin, 1865; N. Jorga. Medaillons d'histoire byzantine, I. Procop. — Byz., 2, 1925, p. 237—241.

³¹ Б. А. Панченко. Указ. соч., З. В. Удальцова. Вступит. статья к кн.: Прокопий из Кесарии. Война с готами, стр. 14—18.

³² Ш. Диль. Указ. соч., стр. XI.

защитником интересов всего общества и всех подданных империи, угнетаемых Юстинианом.

В своей историко-политической концепции всемирной истории Прокопий — непримиримый противник каких-либо социальных переворотов и защитник всякой законной *монархической власти*. Он фрондирует именно против данного «дурного» правительства, против *тирании* Юстиниана, а не против императорской власти вообще. Он выдвигает определенные требования к «мудрому правителю» государства, восхваляя предшественников «выскачек» Юстина и Юстиниана, *законных* правителей империи: Феодосия — за справедливость и воинские доблести ³³, Аркадия — за то, что он советовался с «разумными людьми, обыкновенно заседающими в советах царских» ³⁴, и, наконец, Анастасия — за бережливость, предусмотрительность, снятие недоимок ³⁵.

В недовольстве правлением Юстиниана немалую роль играли *династические интересы* той части аристократии, которая хотела вновь посадить на престол наследников законной династии Анастасия. Прокопий явно на стороне этих заговорщиков. Это проявляется в описании восстания Ника. Если восстание народа («бунт черни») вызывает страх и ненависть историка, то династические планы знатных участников восстания — сенаторов, наоборот, встречают сочувствие Прокопия. Он всячески стремится обелить племянника Анастасия Ипатия, отделить его от восставшего народа, подчеркнуть, что он был невинной жертвой Юстиниана. Прокопий поддерживает маловероятную версию, что Ипатий якобы сам не стремился занять императорский престол, а был насильно коронован восставшим народом ³⁶. Прокопий в «Тайной истории» не скрывает своих симпатий к подвергшимся гонениям сенаторам, участвовавшим в восстании Ника. Он осуждает Юстиниана и Феодору за конфискацию имущества знатных заговорщиков. В этом рассказе можно даже уловить намек на личную близость Прокопия к сенаторским кругам, подвергшимся репрессиям. Заключая рассказ о преследовании сенаторов, Прокопий пишет: «Поэтому в моих глазах и глазах многих моих (διὸ δὴ ἐμοὶ καὶ τοῖς πολλοῖς ἡμῶν) они [Юстиниан и Феодора] казались вовсе не людьми, а какими-то демонами, чумой и гибелью страны» ³⁷.

Кроме того, резко нападая на борьбу цирковых партий венетов и прасинов, особенно на бесчинства стасиотов партии венетов, пользующейся покровительством Юстиниана, Прокопий хвалит поведение умеренной части этой партии во время восстания. Сенатор Ориген и вожди венетов были против наступательной тактики в восстании и, испугавшись народного движения, фактически предали восставшую «чернь» ³⁸. Благодаря такому поведению, с точки зрения Прокопия, они в крайних обстоятельствах «оказались самыми умеренными и благоразумными из всех людей» ³⁹.

Краеугольным камнем идеального государства Прокопий считает соблюдение законов и повиновение властям. Для идеального царства необходима крепкая, устойчивая, законная власть и особенно опасна *тирания*. При Юстиниане же «ни закон, ни установления не имели силы и не оставались неприкосновенными; везде царил беспорядок, везде господствовало насилие. Государственный строй был совершенно подобен *тирании*, и притом не такой, которая уже установилась и окрепла, но такой, которая меняется каждый день» ⁴⁰. Сильный и мудрый правитель, опираю-

³³ Proc. B. P., I, 2. 1—3.

³⁴ Ibid., I, 2. 6.

³⁵ Proc. H. a., XIX, 5—7; XVIII, 7.

³⁶ Proc. B. P., I, 24. 17—25; 31; 42—58.

³⁷ Proc. H. a., XII, 14.

³⁸ Proc. B. P., I, 24. 26 sq.

³⁹ Proc. H. a., VIII, 3.

⁴⁰ Ibid., VII, 31.

пийся на лучших людей государства, советуемый с сенатом и соблюдающий законы, — вот идеал Прокопия.

Прокопий — по существу *консерватор*, оплакивающий упадок старых «добрых» порядков Римской империи. Он со страстью нападает на действительные и мнимые «новшества» Юстиниана⁴¹. Особый гнев Прокопия и его единомышленников вызывает, конечно, притеснение Юстинианом сенаторов. Для Прокопия, как известно, сенаторское сословие — избранная, «величайшая» часть Римской империи⁴².

Немудрено, что историк искренне негодует против возвышения Юстинианом лиц низкого происхождения вроде Иоанна Каппадокийского⁴³, Петра Барсима и многих других⁴⁴. Историк с возмущением говорит о низком происхождении Юстина, Юстиниана и особенно Феодоры⁴⁵.

Особо выделяет он в обществе лиц сенаторского сословия и никогда не забывает провести грань между даже наиболее состоятельными гражданами, но не принадлежащими к сенаторскому сословию, и сенаторами⁴⁶. Он негодует на царственную чету за унижения сенаторов, особенно за их ограбление и ограничения сенаторского землевладения⁴⁷.

Прокопий подчеркивает при этом, что звание патриция несовместимо с понятием бедности и поэтому разорение особенно тяжело и оскорбительно для лиц столь высокого звания⁴⁸.

Историк оплакивает несчастную судьбу знатных и добродетельных людей, ставших жертвами мстительной злобы Феодоры⁴⁹. Он с сочувствием к жертвам рассказывает, что Феодора насильно выдавала знатных девушек сенаторского сословия за нищих и ничего не стоящих людей с целью унижить сенаторское звание⁵⁰. С горечью и даже с некоторой иронией говорит Прокопий об упадке былого величия римского сената. Ныне он не обладал уже никакой реальной властью и «часто бывало, что то, что было поставлено сенатом и затем поступило на утверждение императора, в конце концов получало у него совершенно обратное решение»⁵¹. Сенат собирался лишь для видимости и покорно выполнял волю императора и императрицы⁵². Возмущаясь тем, что император Юстиниан

⁴¹ «Охранять то, что было установлено, он [Юстиниан] не считал нужным, — пишет Прокопий, — вечно он хотел делать *по-новому*; одним словом, он был величайшим разрушителем всего того, что прежде было хорошо устроено» (*Proc. H. a.*, VI, 24). В правление Юстиниана, по словам Прокопия, «в делах было большое расстройство; не оставалось и следа от прежних привычных установлений» (*ibid.*, XIV, 1). Прокопий осуждает Юстиниана за уничтожение старых государственных должностей и введение новых, за изменение законов и реформу армии. Он подчеркивает, что все это делалось не в силу необходимости, не для пользы дела, «но для того, чтобы все было *по-новому* и носило его имя» (*ibid.*, XI, 1).

⁴² *Proc. H. a.*, XI, 17.

⁴³ *Proc. B. P.*, I, 24. 12—15; 25. 3—10.

⁴⁴ *Proc. H. a.*, XIII, 14.

⁴⁵ *Ibid.*, VI, 1—17; XX.

⁴⁶ *Ibid.*, XI, 40—41.

⁴⁷ Он сообщает об ограблении Юстинианом сенатора Зенона, внука западного императора Анфимия (*Proc. H. a.*, XII, 1—4); об ограблении при помощи подложных завещаний сенаторов Татиана, Демосфена и Гилары (*ibid.*, 5); сенаторов Дионисия из Либана, Иоанна из Эдессы и др. (*ibid.*, 6—7); о конфискации имущества сенаторской знати (*ibid.*, XII, 11—14; XXVI, 3. 16; XXIX, 20).

⁴⁸ *Proc. H. a.*, XV, 25—35.

⁴⁹ *Ibid.*, XV, 20—35; XVI, 15—28; XVII, 1—3. Например, Феодора наказала позорной казнью друга Велисария Феодосия, «хотя он носил звание сенатора». Брошенный в темное подземелье, где его привязали к стойлу, и испытывая невыносимые мучения, он сошел с ума и затем умер (*Proc. H. a.*, III, 9—11).

⁵⁰ *Ibid.*, XVII, 7—13.

⁵¹ *Ibid.*, XIV, 7.

⁵² «Сенат сидел, как какая-нибудь картинка, лишь для украшения, не имея права ни самостоятельно вынести решение, ни выступить с достойным предложением; его собирали только для вида, для выполнения древнего закона, так как никому из созованных сюда не полагалось вообще даже голоса подавать, а постановление выносилось императором и его супругой» (*Proc. H. a.*, XIV, 6).

женился на бывшей актрисе и куртизанке, Прокопий признает, что «никто из сенаторов, видя такой позор, которым покрывалось государство, не решился высказать свое порицание и воспротивиться этому; все готовы были хоть сейчас поклоняться Феодоре, как божеству»⁵³.

Прокопий осуждает рабское пресмыкательство сенаторов и других сановников перед Юстинианом и особенно перед Феодорой, хотя и сам, видимо, не раз грешил этим. «Способность суждения, — пишет он, — даже у первых лиц в государстве была подобна той, какая бывает у людей, насмерть перепуганных: пораженные рабским страхом перед одним человеком, они и мыслили в этом направлении»⁵⁴.

Картина раболепия высшей знати в приемной Феодоры потрясает своей жизненностью⁵⁵. «Таким образом, — завершает свой рассказ Прокопий, — вся политическая жизнь обратилась в сплошное холопство, а она была надсмотрщицей и дрессировщицей этих рабов»⁵⁶.

Прокопий резко выступает против тирании — конечно, такой, которая задевает интересы знати. Так, в знаменитом предисловии к «Тайной истории» он пишет: «Ведь большинство властителей — люди малообразованные, легко и охотно подражают всему дурному, что было у их предшественников, и без труда, не задумываясь, склоняются к порокам и преступлениям прошлых веков»⁵⁷. Сознывая, что тиранический режим Юстиниана привел к упадку былых доблестей римской аристократии, не способной свергнуть тирана, Прокопий ищет идеал политического устройства в далеком прошлом⁵⁸.

Он особо подчеркивает, что честных граждан Юстиниан считал людьми старого уклада, не призывая их на государственную службу. Они были у него всегда в немилости⁵⁹.

Прокопий не верит в существование политических разногласий между Юстинианом и Феодорой и считает, что они всегда действовали заодно, стремясь расколоть своих противников. «И вот всегда, — пишет Прокопий, — при помощи таких махинаций на основе взаимной договоренности, наружно показывая вид несогласий, они могли держать разобщенными своих подданных и тем свою тиранию делать наиболее прочной»⁶⁰.

Консерватизм Прокопия тесно переплетается со своеобразным римским патриотизмом. Он всегда мыслит себя прежде всего гражданином мировой Римской державы. Все человечество византийский историк делит на римлян (ромеев) — носителей высокой древней культуры и государственности — и на варваров. Прокопий не закрывает глаза на огромные перемены, происшедшие в современном ему мире. Он ясно видит, что римляне все больше и больше теряют былое господство, что они сами способствуют отпадению покоренных народов своей неразумной грабительской политикой⁶¹. Прокопий хорошо сознает, что силы варваров возрастают, а напор их на империю делается все более грозным. И тем не менее, видя грандиозное столкновение двух миров — римского и варварского, Прокопий полон самоуверенной надежды на полную победу империи.

⁵³ *Proc.* Н. а., X, 6.

⁵⁴ *Ibid.*, VII, 32.

⁵⁵ *Ibid.*, XV, 13—15.

⁵⁶ *Ibid.*, XV, 16.

⁵⁷ *Ibid.*, I, 7.

⁵⁸ Прокопий оплакивает упадок древних римских учреждений и законов. Римские полководцы на западе Бонифаций и Бозций для него — последние римляне, воплотившие в себе все добродетели прежних римлян (*Proc.* В. V., I, 3, 28—30). Он упрекает Юстиниана за то, что он не обладал ничем свойственным древнему званию императора и по языку, внешнему виду и образу жизни уподоблялся варварам (*Proc.* Н. а., XIV, 2).

⁵⁹ *Proc.* Н. а., XIII, 25.

⁶⁰ *Ibid.*, X, 23.

⁶¹ *Proc.* В. G., I, 5, 17; II, 20, 13—33; III, 1, 23—24; 33; *Proc.* Н. а., XXIV, 9.

В описании Прокопием варварских народов, несмотря на то, что он отдает должное воинственности, доблести, гостеприимству и другим качествам некоторых варварских племен, все же звучат нотки презрительного превосходства образованного римлянина над грубыми варварами ⁶².

По своим социальным симпатиям и образу жизни Прокопий — утонченный аристократ, поклонник античной культуры, восхваляющий добродетели знати и презиравший народ, грубую, легковерную и кровожадную чернь. Прокопий подчеркивает изменчивость настроений масс: народ «не может ни переносить настоящего положения, ни предвидеть будущее, но легкомысленно берется за невыполнимое и умеет только по своей неосмотрительности гибнуть» ⁶³. Прокопий подчеркивает легковерие толпы, которая, как это обыкновенно случалось, желала быть зрителем происшествий, сопряженных с опасностью для других ⁶⁴. Говоря об изменчивости настроений народа, Прокопий подчеркивает его преклонение перед сильной властью. После провозглашения Феодоры императрицей «народ, который прежде был зрителем ее выступлений в театре, немедленно и до неприличия просто считал справедливым стать ее рабом и, воздевая с мольбой кверху руки, поклоняться ей» ⁶⁵. Вместе с тем Прокопий иногда говорит о народе с симпатией. Так, во время осады Антиохии персами «народ Антиохийский, беззаботный, шутиливый и дерзкий на слова, собиравшись на стенах, ругал Хосрова и шутил над ним с громким смехом» ⁶⁶.

Во время последовавшего затем штурма Антиохии многие юноши из народа мужественно защищали свой родной город и проявили даже больше доблести, чем византийские воины ⁶⁷. При этом перед лицом общей опасности были даже забыты распри цирковых партий. «Многие молодые люди из народа, — пишет Прокопий, — которые прежде на конских ристаниях были всегда в раздоре между собой, спустившись со стен, не предавались бегству, а оставались на месте» и храбро сражались ⁶⁸. За это Хосров жестоко с ними расправился. Римские же воины обратились в бегство, давая народ, и Антиохия была сдана персам. Прокопий признает, что во время осады войсками Хосрова города Эдессы против персов сражались не только римские воины, но и поселяне из окрестных деревень и горожане из народа. Некоторые из поселян проявляли в бою чудеса храбрости ⁶⁹. Участие народных масс способствовало победе над персами.

Но если Прокопий, высокомерно относясь к народу, все же иногда воздает ему должное, то в отношении рабов историк остается истым рабовладельцем, совершенно отказывая рабам в каких-либо достоинствах и приписывая им самые низкие пороки: рабы лживы, коварны, им нельзя доверять, они ненавидят своих господ, совершенно невозможно принимать во внимание их показания против хозяев ⁷⁰.

Мировоззрение Прокопия, как и его политические взгляды, является ярким отражением той *кризисной, переходной эпохи*, в которую жил историк.

В трудах Прокопия звучат нотки пессимизма, разочарованности, неверия в будущее, столь свойственные уходящим с исторической арены общественным классам. Вряд ли можно найти в византийской историографии другое столь же мрачное произведение, как «Тайная история».

⁶² Proc. B. G., III, 14.22—30. Прокопий удивлен, что «человек, родом герул (Фара. — З. У.) не является коварным и не предается пьянству, а выделяется своей доблестью» (Proc. B. V., II, 4.29).

⁶³ Proc. B. G., II, 3.24—25.

⁶⁴ Proc. B. V., I, 10.6.

⁶⁵ Proc. H. a., X, 8.

⁶⁶ Proc. B. P., II, 8.6.

⁶⁷ Ibid., II, 8.11—12.

⁶⁸ Ibid., II, 8.17; 17—19; 26—28; 34.

⁶⁹ Ibid., II, 27.23.

⁷⁰ Proc. H. a., I, 21—27; XI, 35.

Для Прокопия эпоха, в которую он живет, — «печальные времена» ⁷¹, когда «и в частной жизни, и в общественной было одно горе и уныние, как будто какое-то несчастье свалилось на них с неба, и жизнь у всех стала безрадостной» ⁷².

Прокопий рисует мрачными красками жизнь современного ему общества: «Сидя ли у себя дома или встречаясь на рынках и в храмах, люди не разговаривали ни о чем другом, как о своих бедах и несчастьях, о чудовищных размерах этого небывалого горя» ⁷³.

По своим философско-этическим взглядам Прокопий во многом является эклектиком.

Как и его младший современник и продолжатель — Агафий, Прокопий некоторые свои философские взгляды заимствовал у античных философов. Большое влияние на формирование его философских взглядов, видимо, оказала скептическая школа философии. Отсюда почерпнул он идеи о непознаваемости мира и природы вещей, отсюда его крайне пессимистическое мнение о сущности человеческих страстей и характеров. Он глубоко убежден, что нет предела испорченности человеческой природы ⁷⁴. Его труды изобилуют сентенциями о дурных чертах человеческих характеров. Он подчеркивает, например, что зависть свойственна человеку, «а с завистью нигде не уживается справедливость» ⁷⁵. Людям приущи непостоянство, склонность к измене. «Так, люди вместе с обстоятельствами обыкновенно меняют и мнения, составленные ими о прежних мерах» ⁷⁶.

Одной из основных философских идей, проходящих красной нитью через все произведения Прокопия, является идея изменчивости и непрочности всего земного. Счастье случайно и кратковременно и дается людям отнюдь не за их заслуги и добродетели; часто оно дарит своими милостями людей недостойных ⁷⁷. Зато оно всегда изменчиво и непостоянно. «Я думаю, — пишет Прокопий, — недалеко от истины древнее мнение, что бог не дает людям чистого счастья иначе, как смешав его с несчастьем. К благополучию всегда приковано злополучие, к удовольствиям — горесть, не позволяющая никогда насладиться полным благоденствием». Оттого и смеемся мы не без слез, заключает свои рассуждения автор ⁷⁸.

В мировоззрении Прокопия некоторые черты античного мирозерцания соединены с элементами христианской идеологии. Античное понимание судьбы ⁷⁹ сопряжено у Прокопия с верой в божественный промысел, который управляет судьбами людей ⁸⁰.

Прокопий с некоторой иронией говорит о философах, пытающихся объяснить и понять все явления окружающего мира, постигнуть причины изменчивости человеческих судеб. «Может быть, люди с дерзновенным умом, — пишет он, — могут найти причины всему тому, что небо посылает на землю; так и делают те, которые способны высокопарно объяснять причины *непостижимого* и составлять сверхъестественные системы о природе, хотя знают сами, что в словах их нет ничего здорового; между тем для них довольно, если им удастся кого-нибудь убедить обманом. Что ка-

⁷¹ *Proc.* Н. а., XXIII, 18.

⁷² *Ibid.*, XXVI, 10.

⁷³ *Ibid.*, XXVI, 11.

⁷⁴ *Ibid.*, XXI, 22—26. Прокопий рассказывает, что Юстиниан ставил во главе правления людей негодных, «первых по подлости», а их преемники были еще подлее, проявляя еще большую нравственную испорченность, что свидетельствует о том, что нет предела испорченности человеческой природы.

⁷⁵ *Proc.* В. Р., II, 2.15.

⁷⁶ *Proc.* В. Р., I, 5. 50.

⁷⁷ *Proc.* В. Р., II, IX.

⁷⁸ *Ibidem.*

⁷⁹ *Proc.* Н. а., X, 9—10; В. Р., II, 13; II, 17.

⁸⁰ *Ibid.*, IV, 44—45; В. Р., II, 22.

сается до описываемого здесь бедствия (чумы. — З. У.), то нет возможности ни сказать, ни придумать другой причины, кроме воли божьей»⁸¹. В этих словах Прокопия звучат с большой силой идеи непознаваемости мира, непостижимости сущего, слабости человеческого разума перед тайнами природы, которые могут быть объяснены только произволом божества. Здесь можно усмотреть некоторые элементы агностицизма в философских взглядах Прокопия.

Иногда Прокопий все изменения в делах человеческих приписывает велению судьбы. Так, возведением на императорский престол Феодоры судьба как бы хотела показать свое могущество. «Она, господствуя над всеми человеческими делами, меньше всего заботится, чтобы то, что совершается, казалось вполне естественным или чтобы оно происходило согласно с человеческими расчетами»⁸². Судьба внезапно поднимает кого-либо на предельную высоту и без всякого к тому основания, тогда все препятствия рушатся и все уступают дорогу двигающейся вперед судьбе. «Но пусть обо всем этом говорят и пусть оно и будет так, как угодно богу», — завершает свои размышления о силе судьбы автор⁸³. Вместе с тем, признавая могущество судьбы, Прокопий не призывает человека к полной покорности ей, не обрекает его на пассивную бездеятельность. Он считает, что «никакие старания не могут быстро исправить бедствий, происходящих по воле судьбы, но рассудок легко может исправить зло, причина которого — сам человек»⁸⁴.

В мировоззрении Прокопия античная идея судьбы, рока причудливо переплетена с христианской верой в божественное предопределение, в то, что все свершается по воле единого божества.

Так, Прокопий пишет: «В течение всех прошлых веков многое другое можно было видеть случившимся против всяких надежд и ожиданий, и всегда и в будущем будет оно случаться, пока *судьба* людей будет оставаться такой же»⁸⁵. Причем провидение иногда достойных разит, а дурных милует⁸⁶.

Но в других случаях Прокопий неожиданно иронизирует над самим понятием *судьбы* и заменяет его «божьем соизволением». «Таким образом, выходит, — пишет Прокопий, — что все человеческие дела управляются не планами людей, но божьим соизволением; это то, что люди привыкли называть судьбой, не зная, почему события, которые совершаются на их глазах, пошли этим путем, а не иным. Всему тому, что является непонятным, любят давать имя судьбы. Но пусть каждый о подобных вещах судит по своему усмотрению, как ему угодно»⁸⁷.

Скептицизм, неверие в силы человека, всецело подчиненного божеству, судьбе, неверие в прочность человеческого счастья — вот идеи, часто встречающиеся в трудах Прокопия. «Я не могу постигнуть, — замечает он, — почему богу угодно поднимать на такую ступень высоты одного человека или один город, потом низвергать его и обращать в прах без всякой причины, нам видимой»⁸⁸.

Затем, как бы спохватившись, что подобный скептицизм противоречит христианской религии, Прокопий заявляет: «Но этим я не хочу сказать, —

⁸¹ Proc. В. Р., II, 22.1—2.

⁸² Proc. Н. а., X, 9.

⁸³ Ibid., X, 10.

⁸⁴ Proc. В. Р., I, 14. 22.

⁸⁵ Proc. В. V., II, 7.18. Говоря о быстром и легком завоевании Северной Африки Велисарием, Прокопий приписывает это воле судьбы (Proc. В. V., II, 7. 20—21); крепость Петра в Лазике попала в руки персов по той же причине (Proc. В. Р., II, 17.16).

⁸⁶ Так, чума по воле провидения поражала лучших людей и пощадила многих дурных (Proc. В. Р., II, 23.16).

⁸⁷ Proc. В. Р., II, 10.5.

⁸⁸ Ibid., II, 10.4.

это было бы нечестиво, — будто *не все* совершается по его [бога] высшему усмотрению» ⁸⁹.

Перейдем к рассмотрению вопроса об отношении Прокопия к христианству. Это отношение довольно противоречиво. Историк совершенно чужд христианской ортодоксальности. И хотя Прокопий, естественно, не мог выступать открыто против христианства, особенно в своих официальных трудах, он тем не менее не скрывает сочувствия к аристократам-язычникам, гонимым за их религиозные убеждения ⁹⁰. Политик в Прокопии всегда берет верх над христианином. Так, ставя превыше всего интересы старой сенаторской аристократии, он выступает в защиту светского землевладения в его борьбе с церковным. Его крайне раздражает покровительство со стороны Юстиниана высшему духовенству, он негодует против расширения владений церкви в ущерб сенаторской знати ⁹¹.

Прокопий осуждает Юстиниана за его благочестие. «В вере христианской, — пишет Прокопий, — он (Юстиниан. — З. У.) считал себя твердым, но и это, [как и все] у него, служило на погибель его подданных. Церковнослужителям он позволял с полной безнаказанностью совершать насилия над ближними, и если они грабили соседей, он неизменно выражал им сочувствие и оказывал поддержку, думая, что этим проявляет свое почтение к богу» ⁹². Прокопий осуждает церковнослужителей за то, что они не мешали провозглашению Феодоры императрицей и беспрекословно готовы были признать ее владычицей ⁹³.

Чаще всего Прокопий довольно индифферентен к вопросам веры. Он подчеркнуто не вмешивается в религиозную борьбу своего времени и, в отличие от других византийских и латинских авторов VI в., очень мало говорит о религиозных спорах монофиситов, ариан, православных, о борьбе по вопросу о трех главах и о других религиозных разногласиях, волновавших его современников. Более того, он, как уже упоминалось, осуждает Юстиниана за увлечение в конце жизни богословскими спорами в ущерб государственным делам ⁹⁴. Чрезвычайно показательно, что в своей ненависти к Юстиниану он доходит до того, что резко осуждает его за преследования еретиков, что, с точки зрения ортодоксального христианина, должно было, наоборот, заслужить одобрение. Так, он пишет: «Стремясь к тому, чтобы заставить всех исповедовать одинаковым образом христианскую веру, он, не обращая внимания ни на что, губил людей инаковерующих, делая это под видом благочестия. Он считал, что не является убийством, если гибли от его руки и умирали люди, бывшие не одного с ним исповедания» ⁹⁵. Вместе с тем Прокопий отмечает колебания в религиозной политике Юстиниана, подчеркивая, что «когда он был владыкой римлян, не было по отношению к богу ни крепкой веры, ни исповедания. . .» ⁹⁶. Прокопий, конечно, не оправдывает еретиков и считает их учение заблуждением. «Во всей Римской империи, — говорит он, — было много *превратных* учений, которые обычно называются ересями: учение монтанистов, саббатрианов и многие другие, в которых обычно *заблуждаются* мысли человеческие» ⁹⁷. Но вместе с тем он резко осуждает Юстиниана за преследование и истребление приверженцев еретических сект ⁹⁸. Кроме того, Прокопий считает, что гонение против бо-

⁸⁹ Proc. B. P., II, 10. 5.

⁹⁰ Proc. H. a., XIII, 4.

⁹¹ Ibid., X, 8.

⁹² Ibid., XIII, 4.

⁹³ Ibid., X, 8.

⁹⁴ Proc. B. G., III, 32.9.

⁹⁵ Proc. H. a., XIII, 7.

⁹⁶ Ibid., XIII, 23.

⁹⁷ Ibid., XI, 14.

⁹⁸ Ibid., XI, 15—29.

гатового арианского духовенства привело к потере работы и обнищанию ремесленников-православных, трудившихся в мастерских арианских храмов ⁹⁹.

Такое равнодушие к церковно-догматическим спорам и вопросам христианской религии было, видимо, вообще довольно распространенным явлением среди сенаторской аристократии, к которой близко стоял Прокопий. Ведь именно в ее среде были еще сильны античные традиции, античное миропонимание, преклонение перед древней цивилизацией. Недаром именно в кругах рабовладельческой аристократии дольше всего жило язычество, так жестоко преследуемое Юстинианом.

Однако относить нельзя утверждать, что сам Прокопий — не христианин, а чуть ли не тайный язычник. Для подобных выводов нет никаких оснований. Прокопий верит в бога, в промысел божий ¹⁰⁰, однако эта вера не носит характера ортодоксального благочестия, а окрашена в тона умеренной, «официальной» религиозности. Он признает добродетельный образ жизни монашества и говорит о монахах как о «самых воздержанных христианах» ¹⁰¹.

Прокопий восхваляет подвижническую жизнь некоего блаженного Якова, жившего в Сирии близ Амиды и творившего различные чудеса ¹⁰². Вообще Прокопий довольно суеверен и повторяет в своих трудах многие рассказы и легенды о различных чудесах, ходившие в народе в его время.

Вера в сверхъестественные силы ¹⁰³, в предзнаменования ¹⁰⁴, сны ¹⁰⁵, гадания ¹⁰⁶ является также характерной чертой мировоззрения Прокопия, как, впрочем, и почти всех других византийских авторов VI в.

Вместе с тем Прокопий далек от какого-либо религиозного фанатизма, мистики, ему глубоко чужды идеи умерщвления плоти, отказа от радостей земной жизни, аскетизма и подвижничества.

По своему мирозерпцанию, как и по своим внутренним симпатиям, он все еще погружен в мир прекрасного прошлого и остается приверженцем неувядаемой античной цивилизации.

Как историк Прокопий во многом еще — продолжатель традиций античной историографии.

⁹⁹ Ibid., XI, 16—20.

¹⁰⁰ *Proc. В. Р.*, II, 10. 4—5; Хосрой выступил не против Юстиниана, а против бога, которому, единому, поклоняются христиане (ibid., II, 26.2).

¹⁰¹ Ibid., I, 7.22.

¹⁰² Ibid., I, 7. 5—11. Со всей серьезностью Прокопий говорит, что, когда воины-эфталиты напали на Якова и хотели поразить его стрелами, их руки внезапно были парализованы по воле праведника.

¹⁰³ Ibid., II, 13. 22—23; Дару спас от персов некий сверхчеловек. Прокопий подозревает, что Юстиниан и Феодора — демоны (*Proc. Н. а.*, XII, 14—23; XVIII, 36).

¹⁰⁴ Прокопий приводит предсказание, что «мир (mundus) погибнет с потомством», которое якобы сбылось, когда погибли полководец Мунд и его сын (*Proc. В. Р.*, I, 6.7). Затмение солнца, по мнению Прокопия, предвещало войну и моровую язву (*Proc. В. В.*, II, 14.4—6). Взятие Антиохии персами предвещало то, что знамена византийских воинов повернулись сами к Востоку. Это чудо, по словам историка, явил жителям Антиохии бог (*Proc. В. Р.*, II, 10.1—3). Накануне битвы при Трикамаре в Северной Африке в лагере византийцев засветились острия копий; такое же чудо вновь повторилось у византийцев в Италии много лет спустя. Первый раз, по рассказу Прокопия, они еще не знали, что оно предвещает, потом они уже знали, что это знамение победы (*Proc. В. В.*, II, 2.6—7). Но Прокопий отказывается толковать, что предвещает появление кометы (*Proc. В. Р.*, II, 4; 1—3).

¹⁰⁵ *Proc. Н. а.*, XIX, 1—4; *В. В.*, I, 12.

¹⁰⁶ Прокопий верит в «божественное внушение» (*Proc. В. Р.*, II, 23.15). Во время чумы многие во сне и наяву видели демонов, что предвещало им гибель. Совершение священных обрядов не спасало от чумы, и люди умирали в храмах (*Proc. В. Р.*, II, 22.10—12). Колдуны предсказывали, по словам Прокопия, Иоанну Каппадокийскому верховную власть. По этому поводу Прокопий пишет: «Так демон находит удовольствие в том, чтобы людям, не имеющим здравого рассудка, представлять в блистательных надеждах предмет, имеющий для них особенную прелесть» (*Proc. В. Р.*, II, 30.51—53).

Подобно античным историкам, он провозглашает, что основной задачей его сочинений является выяснение истины. Он убежден, что речи оратора должна быть свойственна сила красноречия, поэзии — вымысел, истории — истина. Поэтому он провозглашает принципом полную объективность и заявляет, что в своих трудах не скрывает дурных поступков даже самых близких друзей, но со всей точностью описывает их деяния как хорошие, так и дурные ¹⁰⁷. Увы, мы знаем, насколько можно верить этой объективности Прокопия. Лишь в тех случаях, когда социально-политические симпатии и антипатии не ослепляют его и не превращают из историка в злобного памфлетиста, рассказ Прокопия отличается точностью, наблюдательностью, критическим отбором материала ¹⁰⁸.

Прокопий — человек блестяще образованный, знаток и горячий поклонник античной культуры. Поэтому немудрено, что образы античной мифологии для него близки и понятны, и он широко вплетает в художественную ткань повествования античные мифы, легенды, предания, анекдоты, почерпнутые из сокровищницы древней греко-римской цивилизации ¹⁰⁹. В композиции и стиле исторических произведений, в порядке изложения материала Прокопий, как известно, нередко подражает античным авторам. Труды Геродота, Фукидида, Полибия были для него образцами. Особенно ярко это проявляется в его пристрастии, вслед за античными историками, использовать в историческом повествовании речи главных героев событий ¹¹⁰.

Вместе с тем Прокопий — отнюдь не копиист своих великих предшественников; очень многое в его трудах почерпнуто из жизни — свидетельство широкого кругозора автора, рисующего красочное историческое полотно реальной действительности своей эпохи.

Сосуществование в мировоззрении Прокопия античных, языческих по существу, и христианских элементов миросозерцания еще раз показывает, сколь характерной для этой кризисной переходной эпохи была борьба старого с новым во всех сферах идеологии и культуры.

¹⁰⁷ *Proc. B. P.*, I, 1.4—5.

¹⁰⁸ В смысле богатства материала очень ценны экскурсы Прокопия о быте и нравах соседних с Византией народов: хотя они и не лишены тенденциозности, важны точные географические, топографические и топонимические сведения, нередко подтверждаемые современной археологией. Интересны данные о военной технике, армии, гражданском устройстве как самих византийцев, так и других народов. *V. Beševliev. Zur Topographie der Balkanhalbinsel in Prokops' Werk «De aedificiis».* — *«Philologus»*, 111, 1967; *idem. Zur Deutung der Kastelnamen in Procops' Werk «De aedificiis».* Amsterdam, 1970.

¹⁰⁹ Античные реминисценции у Прокопия: упоминание о Медее и Ясоне (*Proc. B. P.*, II, 17.2); о Сцилле и Харибде (*Proc. B. G.*, I, 8.1); сравнение стрелков эпохи Гомера с современными Прокопию (*Proc. B. P.*, I, 1.9); упоминание о мифе об Ифигении и Оресте в связи с легендой о построении Орестом храма в Золотой Комане (*Proc. B. P.*, I, 17.11—20) и многое другое. См. *T. Pekkanen. Procopius and the Periplus of Arrian.* — *«Eranos»*, 62, 1964.

¹¹⁰ См. речь армянских послов, обращенную к шаху Хосрову I (*Proc. B. P.*, II, 3.32—53), речь послов Гелимера перед Юстинианом (*Proc. B. V.*, I.9), речь лазских послов (*Proc. B. P.*, II, 15.14—30).